

СЕРЖ БРУСОВ

ВЕРНИ МНЕ
Мой 2007-й

**«Я МОГУ ВАМ СКАЗАТЬ ТОЛЬКО ОДНО:
НИКТО НИКОГДА НЕ ВЕРНЕТСЯ В 2007-Й».**

– Д.А. МЕДВЕДЕВ

Серж Брусов

Верни мне мой 2007-й

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42862288

*Верни мне мой 2007-й:
ISBN 978-5-04-103663-8*

Аннотация

«Верни мне мой 2007-й» – повесть-дневник, повесть-размышление главного героя о юности, стремлениях и любви в эпоху наиболее яркого расцвета молодежных субкультур.

Девушка с необычными способностями, эксцентричные и эпатажные эмо, мистика, вплетенная в реальную жизнь, а также все, чем запомнилась автору вторая половина 2000-х.

Взгляд назад и попытка переосмыслить время, так незаметно и так безвозвратно растворившееся и перетекшее в современность. Время, которое по-настоящему прочувствовали только те, кому тогда было около двадцати.

Содержание

Предисловие	5
1. Смена эпох	8
2. Пенелопа Крус в супермаркете	13
3. В общаге	27
4. На «Пушке»	32
5. Бизнес	40
6. Международные отношения	45
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Серж Брусов

Верни мне мой 2007-й

© Брусов Серж, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Предисловие

Всё это правда.

Всё, о чем я написал в этой повести, в действительности произошло со мной в уже таком далеком 2007 году. Строго говоря, и написал-то я бо`льшую часть текста именно тогда. Была у меня привычка вести своеобразный дневник в художественной форме. Каждый день я делал пометки в блокноте (по старинке – ручкой на бумаге), небольшие записи о том, что произошло интересного, кого встретил, о чем говорил. Раз в месяц я собирал эти заметки и пытался переработать и привести их в более-менее литературный вид. Затем получившийся результат выкладывал на LiveJournal. Читателей у меня там было всего ничего, и зачем я всё это делал – бог его знает. Скорее всего, для себя, исключительно с целью перечитать в будущем, посмеяться или, что тоже вероятно, пустить скупую мужскую слезу по временам ушедшей молодости.

Так сложилось, что первый пост «художественного дневника» был написан в январе, а последний – в декабре 2007-го, то есть весь дневник велся на протяжении только этого года.

Отступление – сразу насчет слов наподобие вышеупомянутого «поста». Вынужден просить прощения за многочисленные англицизмы и идиоматические выражения, прису-

щие молодежному сленгу конца 2000-х. Давайте считать это данью времени и средством более глубокого погружения в атмосферу повести.

Уже не помню, по какой причине я бросил делать записи, но так случилось – теперь это следует просто принять как факт, так как до причин уже не докопаться. Так или иначе, после того как 2007-й был практически досконально задокументирован, LiveJournal был мной забыт, а литературные эксперименты временно отложены на неопределенный срок. Который, впрочем, уже истек: примерно два месяца назад мне приснилось, как я пишу пост в ЖЖ. Это была одна из тех самых «художественных записей». Я проснулся, включил ноутбук, зашел на LiveJournal и очень долго вспоминал и пробовал подобрать различные комбинации из логина и пароля. Через два с половиной часа дневник был вновь открыт. Спустя без малого десятков лет после написания последнего поста.

Я немного упорядочил структуру повествования. Кроме того, какие-то фрагменты были дописаны, частично исправлены или вообще удалены. Какие-то комментарии добавлены специально, чтобы прояснить некоторые детали, а также обратить внимание на ключевые особенности того времени. В остальном привожу всю историю, изложенную в форме художественного дневника, практически без изменений.

Здесь нет выводов, нравоучений или скрытой морали, только описание событий, участником которых мне довелось

стать, и кое-какие мысли по этому поводу. Также прошу прощения за явную «колючесть» некоторых отрывков – это было сделано намеренно, с целью оставить как можно больше текста «как есть», прямиком оттуда – нетронутым сквозь года. Больше жизни, меньше глянца.

P.S. Музыкальные композиции, упомянутые в подзаголовке каждой главы по традиции интернет-дневников, отражают настроение и эмоциональный окрас соответствующей части произведения. К прослушиванию при прочтении, конечно, не обязательны, но на нужный лад настраивают быстрее и точнее, проверено.

Позволю себе пару слов о том, как я бы советовал употреблять этот «коктейль». Лично меня музыка непосредственно во время погружения в текст здорово отвлекает, не позволяя толком сконцентрироваться ни на первом, ни на втором. К тому же такой микс практически полностью глушит ощущения от каждого жанра в отдельности, смешивая и изменяя их до неузнаваемости – словно ешь ледяной гаспаччо, закусывая горячим стейком. Поэтому я бы рекомендовал эти песни в качестве аперитива, ну или холодной закуски – кому что больше нравится, перед основным блюдом. Сначала – музыка, затем – текст.

Приятного возвращения.

1. Смена эпох

Я могу вам сказать только одно: никто никогда не вернется в 2007-й год.

Д. А. Медведев, 3-й президент Российской Федерации

Опубликовано: на этой неделе

Играет: My Chemical Romance «The Kids From Yesterday»

Откуда у этих подростков ностальгия по тому времени? Многие из них тогда были учениками начальной школы, а некоторые – так и вовсе ходили в детский сад. Это слепое поклонение эпохе, которую не застал, – что это? Сродни ли данное явление теплым воспоминаниям родителей по толпам (в СССР не особо многочисленным) жизнерадостных хиппи с вплетенными в волосы цветами? Обретет ли 2007-й со временем столь же культовый статус, как «Лето Любви» 1967 года?

Такие мысли проносились у меня в голове, пока я сидел за столиком на втором этаже одного из московских клубов и наблюдал за компанией молодых людей и девчонок, прыгающих на танцполе под жесткие гитарные записи.

Фестиваль назывался «We take it back» и объединил под своей крышей десяток групп, популярных в середине двухтысячных. Тогда каждая из этих команд могла собрать ауди-

торию слушателей, в два раза превышающую ту, что сегодня пришла на общий концерт. Музыканты, серьезно повзрослевшие, а некоторые – и изрядно раздобревшие в размерах, весьма правдоподобно изображали былой запал и заряд эмоций. Подростки, подражающие внешней стилистике ныне вышедших из моды молодежных субкультур, качали головами в такт музыке, болтали между собой, а кто-то даже подпевал, на ходу вспоминая слова песен.

«Ну, надо же, всё прямо как тогда», – удивлялся я.

В этот вечер я взял билет в вип-сектор и выбрал место с лучшим обзором – людей за столиками было от силы человек пять. Я заказал джин с лимонным тоником и теплый салат с уткой.

Пару дней назад мне позвонил давний знакомый, которого за несколько лет до этого я спокойно называл другом. Никакого конфликта, положившего конец дружбе, между нами, конечно, не произошло, просто со временем мы как-то сами собой непроизвольно дистанцировались друг от друга.

Так иногда случается – открываешь список «друзей» в соцсети, листаешь в самый низ и видишь людей, которые почему-то исчезли из твоей жизни, но при этом вроде бы остались «на расстоянии вытянутой руки». Вытянутой ровно настолько, чтобы пальцы достали до клавиатуры и была возможность набрать сообщение. Но ты этого почему-то не делаешь, закрываешь список, забываешь обо всей этой несусразице и живешь себе дальше. Этот друг, видимо, был из тех,

кто, вспомнив о давно минувших днях тусовок и гулянок и увидев мое имя, решился не просто на электронное письмо, но на «живой» контакт.

– Давай, что ли, пересечемся? – предложил он мне. – Завтра фест классный, посидим, послушаем музю, поговорим.

– А давай, – недолго думая, согласился я.

Не виделись мы лет пять или больше. Мне пришлось изрядно напрячь память, прежде чем я вспомнил, что никогда не знал его настоящего имени, только прозвище – Грин, под которым он всегда представлялся и регистрировался в интернете.

Социальные сети позволили чувствовать себя ближе друг к другу, и сегодня мы не представляем жизни без них. А ведь именно тогда, в 2007-м, произошел настоящий цифровой взрыв и общение ушло в онлайн, но сегодня мало кто об этом помнит. Как и о том, что именно тогда же Apple представили свой первый iPhone, перевернувший представление о мобильном телефоне, что в России начался потребительский бум, особенно на домашнюю электронику – игровые консоли и плоские телевизоры переживали пики продаж, а в мире литературном подошла к концу самая раскупаемая эпопея последних лет – вышла финальная книга о Гарри Поттере.

Интересно, когда вообще начинается осознание того, что совсем еще недавнее настоящее уже стало прошлым? В какой момент люди понимают, что эпоха сменилась, и начина-

ют скучать по ее ушедшим атрибутам, не важно, в положительном или отрицательном ключе? А часто (хотя, наверное, почти всегда) происходит так, что плохие моменты отходят на второй план, оставляя после себя только «галочки» в памяти, и уступают место хорошим. Один из таких примеров массового переосмысления эпохи случился как раз в 2007-м. Множество людей, в основном, конечно, в возрасте 30–35 лет, но были среди них особы и помладше, и постарше, ударились в ностальгию по 90-м. «Авторадио», известное своими «Дискотеками 80-х», организовало новый фестиваль, главным объектом поклонения которого стало последнее десятилетие XX века, а в интернете с определенной регулярностью появлялся один и тот же пост, напоминавший о жевательной резинке Boomer и докторе Пеппере. Последний, к слову, вновь материализовался на полках магазинов, и хочется верить, что кому-то в этом мире вернули его 97-й.

Я не испытывал какой-то особенной ностальгии по 2007 году, хотя, наверное, должен был, учитывая, что тогда я «крутился» непосредственно «в тусовке». Точнее, мне, конечно, было приятно вспомнить те времена, послушать музыку, которой тогда увлекался, посмотреть фотографии с концертов и «вписок»... Но во всём этом не было никакой привязки к конкретному году. 2007-й для меня выделялся по гораздо более личным причинам, в которых я и пытался разобраться всю неделю, с того самого момента, когда продолжил вести потерянный дневник и перечитал старые запи-

си.

Грин задерживался. Я решил достать планшет и поубивать время, «полистывая» свой «LiveJournal».

Перечитав несколько строк самой первой записи, я отметил очередное странное совпадение. Их уже было предостаточно: популяризация 2007 года, открытие пролежавшего в забвении аккаунта LiveJournal, звонок старого знакомого из тех времен... всё сходилось в одной точке. Теперь обратила на себя внимание новая деталь.

Как оказалось, история брала свое начало именно отсюда. Череду событий, описанных в дневнике, стартовала здесь, в этом самом заведении.

2. Пенелопа Крус в супермаркете

Опубликовано: январь 2007-го Отредактировано: на этой неделе

Играет: Оригами «Без Лишних Слов»

– А чё, вписка будет сёдня? – Антон всегда спрашивал об этом перед концертом. Он жил в Дмитрове, в полутора часах на электричке от Москвы. Чтобы успеть на последний поезд, нужно было уходить с нескольких финальных песен. Он тогда слишком фанател от Jane Air, «Оригами» и других групп, выступавших в тот вечер, чтобы позволить себе подобное. Мы стояли посреди толпы на танцполе клуба «Точка», ожидая начала «Альтернативной ёлки» – фестиваля андеграундной музыки. Был самый разгар новогодних праздников, о чем напоминали небрежно развешанные по стенам гирлянды. Из пластиковых стаканчиков медленно тянулось чуть прохладное «Невское» – самое дешевое пиво в баре. Я ответил, сделав небольшой глоток:

– Не знаю, вроде там чего-то кто-то намутить обещался.

Мы пришли в компании нескольких приятелей – наших знакомых по тусам на «Пушке». Они разбрелись по разным углам зала, и теперь найти того, кто именно был готов «вписать» у себя людей, представлялось проблемным. В клубе было жарко и накурено. Впрочем, как всегда, независимо

от времени года или погоды снаружи. Вокруг сновали подростки с длинными волосами, металлисты новой формации с дредами и пропирсингованными лицами, девушки с косыми челками и обильно накрашенными глазами. Какой-то явно разгоряченный алкоголем персонаж затащил глухим басом:

– Что я знал о джанке-е-е-е-е-е-е-е?

В ответ ему из центра толпы раздался выкрик:

– Джанк уже не модно, чувак! Пацаны эмо играют!

Народ одобрительно загудел – музыканты вышли на сцену. Встречали их так, словно это была не питерская группа клубного масштаба, а как минимум Metallica или Linkin Park. Я оказался в самом центре танцпола, о чем сразу же пожалел, заметив первые движения зарождающегося слэма. Хотя порой мне нравилось агрессивно потолкаться под низкие гитарные рифы, сейчас был явно не тот момент, да и пива в руке оставалось больше чем на полстакана. Внезапно (настолько, что я даже не успел понять, что случилось) в меня на полном ходу врезался не слишком трезвый молодой человек внушительных размеров, в результате чего рука рефлекторно дернулась вверх, расплескав «Невское» прямо над прыгающе-бегающе-толкающейся толпой. Вопреки моим ожиданиям мало кто обратил на это внимание, лишь пара человек недовольно оглянулись. Всё-таки публика на таких концертах знает, куда идет.

Я решил подняться на второй этаж и посмотреть на дей-

ство с балкона вип-ложи. Естественно, мой билет не позволял туда пройти, но пятьсот рублей в руке охранника снимали вопрос. Увидев свободное место (наверху народу тоже хватало), я оперся плечом на колонну и стал созерцать происходящее на танцполе. Парни и немногочисленные девушки, участвовавшие в слэме, энергично сталкивались и раскачивались в разные стороны, бегали по кругу и прыгали на месте. Затем, когда вокалист в белой обтягивающей водолазке весьма субтильного телосложения сделал раздвигающий жест руками, толпа разделялась на две половины, готовясь сойтись в яростном угаре. Несколько секунд – и они уже неслись и врезались друг в друга. Помню, я впервые попал в слэм за пару лет до этого, даже не подозревая, что это такое. Оказавшись как раз посреди зала в момент, когда толпа разделилась, я каким-то образом этого не заметил. В результате у меня оказался разбит нос и появились многочисленные синяки по всему телу. Но сам процесс, позволявший почувствовать себя частицей, принимающей участие в бродуновском движении, мне понравился.

– Сорри, я тут стояла. – Меня слегка похлопали по плечу. Я обернулся.

Передо мной находилась девушка лет двадцати с челкой, практически полностью закрывающей густо накрашенные глаза, и тройным пирсингом под нижней губой. На голове ободок с черепами, сзади волосы взъерошены и зафиксированы лаком. Одета она была в полосатую черно-голубую во-

долазку, узкие джинсы с проклепанным ремнем и скейтерские кеды DC. В руках – пластиковый стакан с, должно быть, тем же «Невским».

– Не, ну если хочешь, стой. Только подвинься немного, – сказала она и, не дожидаясь ответа, пристроилась рядом, вплотную ко мне.

– Да ладно, чё там. Стояла так стояла, подвинусь. – Я попытался немного отойти в сторону, но ничего не вышло – сзади уже было очень плотно.

– Один тут? – Она поинтересовалась как бы между прочим, смотря при этом на сцену.

– Не, с друзьями, они в слэме, мне в лом.

Моя собеседница повернулась, оценивающе взглянула на меня и стала снова наблюдать за музыкантами. После некоторой паузы спросила:

– А вписка есть? Домой идти неохота.

Я замешкал.

– Возможно, сам пока не знаю.

– В общем, я – Натка. – Говоря это, моя новая знакомая всё так же неотрывно следила за происходящим внизу. Или просто стеснялась. Я представился.

Всё время до конца концерта мы практически не разговаривали. Просто стояли и молча смотрели на сцену. Она иногда делала пару мелких глотков. Должно быть, к окончанию вечера ее пиво (которого оставалось достаточно много) было уже не то что не холодным, но едва не закипало. Так там

контрастировало с самим фактом знакомства, инициированного ею. На все вопросы отвечала односложно и с неохотой.

– А ты далеко живешь, что ли? Ехать долго или как? – Я вспомнил начало нашего общения и ее предлог, для того чтобы пойти с нами.

– Не-а, не очень. Просто хочу тусить.

Как она собиралась «тусить» с безэмоциональным лицом и практически в полном молчании, для меня оставалось непонятным. Странно было и то, что она вообще пошла на вписку с незнакомой компанией.

До дома мы добрались довольно быстро, минут за десять. Это оказалась элитная охраняемая новостройка. Нас задержал дежурящий на вахте сотрудник ЧОПа. Он резко выскочил из своей небольшой будки и подбежал к нам.

– Нормально-нормально всё, Миш, это ко мне, – объявился наконец хозяин квартиры – один из наших друзей по «Пушке». Он был чуть старше меня, окончил институт, но не работал. Мы все удивлялись, как он при этом может безбедно и беззаботно существовать. Теперь ответ был очевиден.

– О, привет, Саш! А папа знает, что гостей ведешь? Да так много! Вас же человек десять! Николай Александрович просил следить за квартирой внимательно, пока он в командировке. – Молодой охранник явно испытал облегчение, увидев знакомое лицо. А я был рад вспомнить имя нашего обеспеченного приятеля. Точно, Саша. Или Филин, как его называли на «Пушке».

– Да нормально, говорю же! Знает, конечно! Да тут отличные чуваки! Всем можно доверять, гарантирую, – сказал Саша, показательно положив руку на сердце.

Чоповец постоял в раздумье еще несколько секунд и отступил в сторону. Мы прошли в подъезд и поднялись в квартиру.

Поначалу все расположились в самой большой комнате, оформленной в стиле французского классицизма и какими-то помпезными мраморными статуэтками. Хозяин квартиры принес картонную коробку из-под принтера HP, которая оказалась наполненной алкогольными напитками. Там было несколько банок химических коктейлей ядовитого цвета и пара больших пластиковых бутылок пива «Арсенальное» по 2,5 литра.

– Чё-то ассортимент не под стать заведению, – высказал свое негодование один из парней с «Пушки». У него были ярко-зеленые дреды и руки почти полностью в татуировках. Он достал пиво и раздосадованным голосом добавил: – Эту шнягу и так каждый день тянем. Я думал, тут у тебя чё-нить типа «Хеннесси», ну или типа того.

– Грин, не наглей, – Филин сказал это спокойно и несколько не обиделся. – Какой тебе «Хеннесси», если ты «Хайнекен» от «Арсенального» отличишь с трудом.

Грин ничего не ответил, задумался о чем-то на секунду, а потом достал из рюкзака стопку одноразовых стаканчиков и взял себе один под пиво. Мы с Наткой расположились на

диване. Она держала в руках банку «Ягуара».

– Как ты можешь пить это?

Ответ последовал после небольшой паузы, как всегда:

– Да ладно, нормальный коктейль. Вкус немного резкий, а так ничего.

– Я бы не назвал это коктейлем, скорее помесь химикатов.

Натка промолчала и отпила из банки. Я попросил у Грина стаканчик и налил себе пусть дешевого, но всё же более натурального, как я себя убеждал, пенного напитка. Народ разбился на группки по два-три человека. Кто-то обсуждал сегодняшний концерт, сетуя на большое количество школьников, Антон с подругой (видимо, познакомились там же этим вечером) стояли у окна с алюминиевыми банками в руках и неспешно беседовали. Одна девушка (вроде бы Лена, тоже с «Пушки») открыла стоящий на журнальном столике ноутбук и показывала своему другу свежий клип от My Chemical Romance. Ему, похоже, нравилось.

– Я вот чего не понимаю, – начала вдруг Натка, – ты знаешь всех этих ребят?

– Ну, почти всех, да. Кроме девушки рядом с Антоном и вон того парня в футболке Korn.

– А этот ваш Филин, как вы его называете, незнаком как минимум со мной.

– Получается так. – Я не совсем понимал, куда она клонит. – Это ты к тому, что все разбились на группы и не общаются вместе?

– Да не, я вообще о другом. Не стремно вот так вот совсем незнакомых людей к себе на вписку брать? Тем более в такие дома...

– А, ты об этом. Хм... Думаю, ничего страшного произойти не может. Это, наверно, какое-то природное доверие к людям со схожими интересами. Мы же все из одной тусовки.

– Ну это да, но... вот мне бы, например, очень стремно было, если б тут жила. – Натка стала чуть более разговорчивой. – Вынести же могут что угодно только так. И не заметишь.

– Я думаю, Филину всё равно. Ну, не то чтобы прям совсем пофиг, но мало волнует. Для его отца это всё мелочи жизни. Мне так кажется. Он какой-то депутат или чиновник, не знаю точно. Кто-то говорил мне об этом, я тогда не поверил, но теперь сам всё вижу. Даже если всю квартиру вынесут – купит новую еще лучше.

– А сам Филин работает где-то?

– Не-а, насколько я знаю, пару лет назад он окончил универ. Каждый день тусит на «Пушке».

– А ты?

– Я учусь. Тоже заглядываю на площадь иногда. Ты там не бываешь?

Она сделала еще глоток из банки и молча помотала головой. Антон включил телевизор – большую плазму габаритами в полстены, быстро сканируя каналы, нашел А-One, «первый альтернативный», как они тогда себя позициониро-

вали, и прибавил громкость. Green Day играли «Boulevard of broken dreams», Антон с новой подружкой громко подпевали, не совсем попадая в ноты, а Филин пытался подобрать мелодию на акустической гитаре, попутно рассуждая о том, как он хотел бы стать владельцем музыкального клуба и тусоваться с рокерами. Несколько человек смотрели что-то на ноутбуке, а парень с девушкой, сидевшие у компьютера ранее, уединились в одной из спален. Вписка проходила вполне спокойно, учитывая рассказы Антона о различных «тусях на хате», где ему доводилось бывать: где-то из-за жалоб соседей дважды приезжала милиция, кому-то буквально разгромили всю квартиру, еще пару раз была большая драка. Вспомнив об этих случаях, я подумал, что риски вписывающего действительно не столь малы, даже несмотря на то, что все вроде бы из одной тусовки.

– О чем я тебе и говорю, – голос Натки прозвучал как будто издалека. Я, кажется, потерял нить разговора.

– Прости, о чем говоришь? Я отвлекся.

– Что риски не столь малы, – она, как ни в чем не бывало, повторила ход моих мыслей. Я немного опешил.

– Только что об этом думал. Точь-в-точь как ты сказала...

– А, ну со мной так бывает. Частенько. Особенно под алкоголем. – В этот момент Натка прикончила свой «Ягуар» и сжала банку.

– Читаешь мысли? – я слегка ухмыльнулся.

– Да не совсем, просто как-то чувствую их в воздухе, что

ли... трудно объяснить.

– Ну и о чем я сейчас думаю? – Я очень серьезно посмотрел на нее и представил в уме затопляемую Атлантиду.

– Не, не так просто. Целенаправленно я это делать не могу, так только в фильмах. Я же говорю, чувствую. Ну, как ветер, например. Ощущаю дыхание ветра и говорю: дует теплый восточный ветер. Типа того.

– От меня сейчас вообще ничего?

– Что-то с водой.

– Впечатляет.

Мы замолчали. Я был в замешательстве. Я, сколько себя помню, всегда допускал существование того, что некоторые называют шестым чувством, другие интуицией, третьи экстрасенсорными способностями. Но в жизни столкнулся с этим впервые. Не то чтобы я был шокирован, скорее просто удивлен и не знал, как реагировать. Примерно как встретить Пенелопу Крус в супермаркете: ты знаешь, что есть такой человек, но он живет где-то в параллельной вселенной, и вот пересекаешься с ним в своей повседневной жизни. Очень странное ощущение.

– И давно это с тобой?

– Не-а, совсем недавно. Да ты не парься так по этому поводу, не знаю я, чё там у тебя в голове. Просто иногда такие приходы бывают.

– Что-нибудь еще можешь сказать?

– Сейчас здесь всё хорошо, негатива не чувствую. А вон

оттуда вполне определенные волны исходят, – Натка указала в направлении комнаты, куда ушла парочка.

– Тут не надо быть экстрасенсом.

Она улыбнулась уголками губ.

Туса медленно подходила к концу. Алкоголь закончился, а идти в магазин никто не захотел. Многие уже откровенно клевали носами, пялясь в экран телевизора. Всё действительно прошло очень спокойно, если не сказать скучно. Я посмотрел на часы, они показывали четыре часа утра.

– Ладно, наверное, надо поспать, – я обратился к Натке, но с удивлением обнаружил, что она уже спала. Сидя, наклонив голову вперед и скрестив руки на груди. Я встал, положил ее по всей длине дивана и пошел искать место для ночлега. В одной из комнат оказался незанятым еще один довольно широкий диван.

Пока сон не накрыл меня, в голову непрерывным потоком лезли мысли. В основном об этой странной девушке. «А она в принципе ничего такая. Надо завтра взять телефон или аську», – последнее, что помню, перед тем, как уснул.

Утро пришло очень быстро. На полу возле дивана я обнаружил записку с моим именем, содержащую всего одну строку:

«Неплохой вечер. Еще увидимся. Н.».

Я прошел на кухню, по пути заглянув в большую комнату. Как и ожидалось, Натки уже не было, как и еще пары человек. Видимо, она из тех, кто не может долго спать в незна-

комом месте. Я жалел, что не спросил контактов для связи, но не сильно: ее «еще увидимся» читалось не как простая формальность. Скорее это было похоже на констатацию факта, которому не было причин не верить. Я сделал себе эспresso в кофемашине и не спеша выпил мелкими глотками. Потом накинул куртку, растолкал хозяина квартиры, сказав, что ухожу, и покинул вписку.

Филин позвонил мне через пару дней. Судя по голосу, очень волновался.

– Привет. Чё за девка тогда с тобой была? Давно ее знаешь?

– Привет. Да нет, на концерте познакомились, а чё такое, случилось что?

На том конце провода воцарилось полуминутное молчание. Как будто он в это время думал, продолжать ли разговор или положить трубку. Затем всё-таки продолжил:

– Кто-то вынес двести тысяч евро.

Тут уже настала моя очередь молчать. Натка? Да нет, с очень большим трудом можно было это представить.

– Уверен, что именно в тот вечер деньги пропали? Это же чемодан целый, заметили бы по-любому...

– Да какой нахер чемодан! – Филин был очень взвинчен. – Там четыре небольшие пачки из пятисоток, в карман куртки легко влезут!

– Ну, я не знаю, чувак. Я не брал, если ты это от меня

услышать хотел. А где они вообще хранились, если кто-то просто взял и вынес?

– Да в том-то и дело, что в надежном месте! Еще сейф не успели поставить, поэтому просто в тайнике, о котором никто не знал. И... – Он прерывался, очевидно, решив, что и так сказал достаточно. – В общем, ладно. Девку ты не знаешь, значит, и контактов нет?

– Никаких.

– Всё, давай пока, – последовал сигнал завершения вызова. Насколько я знаю, Филин так и не выяснил, куда пропали двести тысяч евро. А его отец был так разозлен, что уже весной лично привез сына в военкомат и попросил отправить нерадивого отпрыска на службу куда-нибудь подальше. Помню, вся наша компания с «Пушки» была в шоке, узнав и о деньгах, и о реакции отца. Нам думалось, что двести тысяч евро – сумма даже для чиновника немалая, но отправки Филина в армию в качестве наказания уж точно не ожидал никто. Может быть, за ним были еще какие-то косяки, а может, отцу просто надоел такой образ жизни сына и та вписка стала последней каплей. Так или иначе, можно сказать, что тот, кто тогда вынес из квартиры Филина деньги, поставил точку в его прежней жизни. По возвращении со службы Филин приходил на «Пушку» еще раз или два, а потом устроился на работу, и больше я его никогда не видел.

3. В общежитии

Опубликовано: на этой неделе

Играет: Lostprophets «Can't Catch Tomorrow»

Я учился на третьем курсе технического вуза. Мы тогда как раз отметили «экватор» – ровно половину срока обучения. Позади остались первые сессии и волнения о том, что тебя, может быть, исключат. Впереди, через пару лет, маячили госэкзамены и диплом. Это было самое беззаботное время во всем студенчестве. Я жил в университетском общежитии, или общежитии, как все его называли, в комнате с парнем на год старше меня. Общались мы нечасто – он жил у девушки и заезжал примерно раз в месяц, выпить пива и узнать свежие новости.

Моя комната представляла собой квадратное помещение размером 3,5 на 3,5 метра. Прямо напротив входа было окно по длине всей стены, справа – двухъярусная кровать, по левую сторону – холодильник и два стола – компьютерный и обеденный. Рядом с дверью располагались шкаф с одеждой и полка для обуви. Также пара полок со всяким барахлом (в основном по учебе) висела над столами.

В ту зиму я обвесил все стены афишами концертов, на которых побывал. У многих тогда был такой фетиш – собирать плакаты групп, расклеенные по остановкам и прочим

общественным местам. Сдирали их прямо на улице голыми руками и, свернув в трубочку, довольные, несли домой. Часто можно было увидеть оторванные наполовину афиши – результат неаккуратных действий сдирающего. Иногда по утрам по пути в университет я встречал расклейщика плакатов, намазывающего липкой вязкой жидкостью стены. Он легко сговаривался отдать «свежее» полотно за символическую цену в пятьдесят рублей. Вся эта собственно-ручно (буквально) собранная красота безвозвратно исчезла после пятого курса, когда мой прежний сосед окончил университет, а вместо него подселили зеленого первокурсника. Этот вчерашний школьник проявлял очень большую «хозяйственность» с первых дней. Он предложил сделать ремонт и сменить обои. Я не возражал, так как пару лет спустя все эти афиши уже не представлялись мне особенно ценными. Так они и отправились в мусорное ведро, свернутые в трубочку. Но всё это было позже, а зимой 2007-го я продолжал украшать стены большими картинками с названиями и фотографиями групп.

Периодически у меня собирались друзья, чаще всего по пятницам или субботам, но нередко и в середине недели. Официально в общагу нельзя было проносить алкоголь, из-за чего студенты, проходя мимо охраны на входе с полным рюкзаком стеклянных бутылок, делали каждый шаг крайне осторожно. Тех, кто попадался, в лучшем случае просто не пускали внутрь, в худшем – конфисковывали весь алкоголь.

Что с конфискатом было в дальнейшем, история умалчивает. Только довольные лица охранников давали повод для различных версий. Тусовка (с распитием спиртного) в комнате чередовалась с толкотней в курилке, располагавшейся на пяточке около лестницы, связывающей этажи. Я жил на предпоследнем, шестом, в самом конце коридора. Курения как привычки у меня не было, но постоять за компанию с дымящими мне нравилось.

Большинство из моих друзей-москвичей не понимали удовольствия от общажной жизни, которое испытывал я. Да, им казалось прикольно приехать на ночь в общежитие и курить до утра, но – всего на одну ночь. Жить, когда буквально в каждый момент времени вокруг тебя какие-то люди, представлялось им выше их сил. Я же привык к тому, что в комнате всегда было движение: кто-то заходил, чтобы списать лекции, кто-то играл на компьютере, громко слушая музыку, еще кто-то в то же самое время мог лежать на кровати и спокойно читать книгу. Конечно, порой хотелось какого-то уединения. Достигнуть этого при желании было несложно: надо было всего-то закрыть дверь на ключ и не отвечать на стук, чтобы снаружи думали, что в комнате никого нет. Я так втянулся в эту динамично меняющуюся обстановку, что, съехав на отдельную съемную квартиру после окончания университета, очень долго привыкал к тишине и покою. Мне казалось, что мир вокруг остановился. Но, как уже было сказано, тогда до этого было еще далеко и я наслаждался

каждым моментом нахождения в общежитии.

Чем же именно меня привлекала такая жизнь? Я и сейчас с трудом могу подобрать нужные слова для ответа на этот вопрос. Наверное, какая-то едва ощутимая, эфемерная эмоциональная атмосфера, создаваемая студентами. Молодые люди, по большей части легко воспринимающие окружающую действительность и еще не столкнувшиеся с серьезными жизненными трудностями, самой большой проблемой которых были незакрытые «хвосты» в университете, генерировали сверхлегкий эмоциональный фон. И я его очень тонко чувствовал.

В период зимней сессии в общежитии становилось тише. Но не слишком – студенты не забывали отмечать практически каждый сданный экзамен шумной вечеринкой. А вот во время двухнедельных каникул в начале февраля народ разъехался по домам и в коридорах действительно не было слышно праздного гула. Можно было насладиться воцарившимся ненадолго спокойствием.

Мне, однако, застать общежитие в анабиозном состоянии удавалось нечасто – после закрытия очередной экзаменационной сессии я тоже обычно ездил домой. Родным городом для меня являлся крупный промышленный и культурный центр в четырехстах километрах от столицы. Трудно сказать, почему я выбрал учебу в Москве, из моих одноклассников больше никто не поехал получать высшее образование в другой город. В итоге я ни разу не пожалел, это был бесценный,

а главное – очень позитивный опыт. Домой я приезжал на неделю, встречался с друзьями, гулял по улицам своего детства и снова отправлялся в столицу. Той зимой всё было точно так же, как и всегда. Начинался новый семестр, нужно было походить на лекции, чтобы узнать, какие из них можно пропускать, а какие не стоит. Собственно, все мои обязанности на тот момент сводились к учебе. Я не работал, если не считать временных подработок с почасовой оплатой и один не совсем легальный бизнес, о котором расскажу позже. Мой распорядок дня в тот период мало варьировался в зависимости от будней или выходных, и если бы меня тогда попросили примерно его описать, я бы выдал что-то вроде этого:

– Проснулся, поехал в универ, отучился, двинул на «Пушку», потусил там до вечера, вернулся в общагу.

Хотя по выходным он всё-таки немного отличался: «Пушка» обычно занимала весь день.

4. На «Пушке»

Опубликовано: февраль 2007-го Отредактировано:
на этой неделе

Играет: Panic! At The Disco «I Write Sins Not
Tragedies»

«Тусовка на «Пушке» – один из видов бестолкового молодежного досуга, которым я был занят тогда бо`льшую часть своего свободного времени. В центре столицы, на Пушкинской площади, собирались представители различных молодежных субкультур (наиболее популярной и многочисленной в то время были эмо), общались, пили пиво и коктейли из банок, обменивались впечатлениями от концертов. Сочетание ярких и мрачных цветов в одежде, косые челки, цилиндрические серьги (тоннели) в ушах, обильный макияж (в отдельных случаях и у парней), много пирсинга – такой была «Пушка» тогда. Я не относил себя к этим ребятам, хотя слушал кое-что из соответствующей музыки. В тусовку меня привела бывшая девушка, она старалась по всем канонам соответствовать стилю. Я же не красил глаза, не прокалывал ни губы, ни уши, не носил черно-розовых свитеров. В моей одежде была всего пара-тройка неформальных элементов – скейтерские кеды и зауженные джинсы. Мне просто нравилось там находиться. Нравилось настолько, что после того,

как мы с ней расстались, я стал даже чаще ходить на площадь, чем раньше. Однажды совершенно случайно я встретил там своего одноклассника Антона, с которым до этого не общался. С тех пор мы стали хорошими друзьями и частенько тусили вместе.

На «Пушке» собирались не только эмо. Были там и панки, и металлисты, и рэперы. Настрой друг к другу оставался у всех позитивно-нейтральным, и представители совсем разных молодежных течений мирно сосуществовали под задумчивым взглядом Александра Сергеевича. Но были и те, кто не отличался особой толерантностью. Периодически на площадь заглядывали то ли футбольные фанаты, то ли скинхеды, а может, просто парни – любители подраться. Большинство «эмобоев», будучи весьма субтильного телосложения, предпочитали избегать силового конфликта путем бегства. Поэтому, как только на «Пушке» слышались обрывки фраз в духе «сейчас скины накрывать будут», место тусовки вмиг пустело.

Зимой тусоваться на площади, конечно, было куда менее интересно и приятно, чем в теплое время года, но мы как-то справлялись. В один из февральских дней, где-то через месяц после вписки у Филина, я, как обычно, общался с ребятами в сквере позади памятника поэту. Антон, видимо, проголодавшись, предложил сходить в «Макдоналдс» и взять по бургеру. Я легко согласился, так как сам обедал достаточно давно, еще в университете. По возвращении мы обнаружи-

ли пустую от субкультуришников площадь. Оглядевшись вокруг в поисках скинхедов и решив, что все они, если и были здесь, то уже ушли, погнав неформалов, мы присели на лавку и принялись за фастфуд. Спустя пару минут буквально из ниоткуда перед нами возникло пять крупных фигур с бритыми головами. Один из них, самый маленький, «мелкий», если можно так сказать, резко выбил бигмак из рук Антона и зло буркнул сквозь зубы:

– Хватит дерьмо всякое жрать. Чё здесь делаете? Кто такие?

Благо за неделю до этого Антон постригся достаточно коротко, а я никогда не носил длинных волос, иначе вместо «приветственных» вопросов можно было сразу получить серию ударов. Я отложил в сторону картошку фри и сказал:

– Ничё, просто сидим.

Начавший разговор повернулся ко мне:

– Чё за шмотье на вас? На скейте катаетесь? – Он небрежно пнул по моим кедам металлическим носком своего армейского ботинка. И, не дождавшись ответа, добавил: – С этими пидорами крашеными еще, наверно, общаетесь?

– Не, – Антон сделал паузу и как бы невзначай провел рукой по голове, намекая на стрижку, – мы чё, похожи на них? Говорю же, просто сидим. На доске, да, катаем иногда.

Говоривший с нами не нашел, что еще сказать, и повернулся к друзьям. Те тоже молчали. У «мелкого» был холодный волчий взгляд. Спустя полминуты раздумий он продол-

жил таким тоном, словно делал нам одолжение:

– Ладно, давайте сюда мобилы и валите нахер.

Вдруг из-за их широких спин послышался знакомый женский голос:

– Привет. – Это была Натка.

«Мелкий» резко обернулся и оценивающе оглядел ее с головы до ног. Она стояла, как ни в чем не бывало, и курила тонкую сигарету, смотря поочередно то на меня, то на Антона, то на наших собеседников. В этот раз одета она была более сдержанно, но принадлежность к субкультуре всё равно угадывалась по прическе и клетчатому платку-арафатке на шее. Мы молчали, я вопросительно поднял брови. Бритый наконец заговорил омерзительно любезным тоном:

– Ну, привет, принцесса. К друзьям пришла? – Он мотнул головой в нашу сторону.

– Не-а, этих не знаю. – Натка отвечала уже знакомым мне отрешенным тоном. – Просто интересно стало, о чем болтаете.

– Да ну? Ладно, идем с нами, расскажу тебе еще много интересного наедине.

– Не, – Натка сделала паузу и выпустила тонкую струйку дыма, – с бритыми не общаюсь. Вы идите, я останусь.

– А говоришь, не знаешь их. Чё врешь-то, сучка?

По лицам было заметно, что все вокруг почувствовали: ситуация накаляется. Скины стояли, насупившись, чуть позади своего лидера. Тот, это было видно по напряженной по-

зе, едва сдерживался от желания ударить девушку в следующую секунду. Я, насколько бы мне ни претила сама мысль драться с группой здоровых качков, готовился именно к этому. Антон нервно переводил взгляд по сторонам. Натка внимательно смотрела в глаза оппоненту. Очень спокойно и не моргая.

– Да, баллончик достать успею, – она прервала молчание, – а травмата у меня нет.

«Мелкий» ничего не ответил, но во взгляде его возникло непонимание. Натка всё так же неотрывно смотрела в глаза. Потом продолжила:

– Не-а, связей тоже нету. Знаю, ты сейчас не можешь решить – сильно или нет меня ударить. Тебя в детстве не учили, что бить девушек плохо?

«Мелкий» в недоумении уставился на Натку. Тут подал голос один из его компаньонов:

– Фриц, идем. Эту я знаю, у нас матери знакомы.

Девушка повернулась к говорившему и улыбнулась:

– Никита, привет! Сразу и не узнала. На каток пойдешь вечером?

Парень ничего не сказал, только отвел хмурый взгляд. «Мелкий» еще раз злобно оглянулся на нас, постоял в раздумьях несколько секунд и молча, убрав руки в карманы, пошел в сторону метро. Друзья двинулись за ним.

Антон заговорил первым:

– Привет! Это что за херня щас была? Ты о чем вообще с

ним тёрла? Извини, я просто немного в шоке от этой сцены.

Натка взяла с лавки пакетик с картошкой фри и съела пару ломтиков.

– Вы всё слышали вроде.

Антон не унимался:

– Да, только не поняли нифига! – Он повернулся ко мне: – Ты понял, что случилось?

Я никому не говорил о странных способностях Натки, решив и дальше не распространяться на эту тему.

– Да ничего особенного, повезло нам, что ребята знакомы оказались. – Я сказал это как можно более пренебрежительно.

Антон вдруг быстро глянул на часы и поспешил попрощаться:

– Так, ладно, электричка у меня. Всё, пока. Спасибо, что выручила. Увидимся!

Девушка в ответ пожала плечами:

– Вполне вероятно. Пока.

Антон протянул мне руку и побежал к метро, предварительно убедившись, что наши недавние собеседники удалились. Мы остались одни. Я прервал тишину:

– А говорила, здесь не бываешь.

– Да так и есть, не захожу сюда. Сегодня просто была в книжном рядом, решила до «Пушки» пройти. А тут вас увидела. Так получилось.

Натка вроде бы была рада встрече. Она улыбалась угол-

ками глаз, хотя в целом лицо оставалось нейтральным. Как Мона Лиза.

– Ну, как дела у тебя? – спросила она. – Что нового? Еще собирались у Филина?

– Да всё в порядке, спасибо. Новый семестр вот начался, пока проблем нет. Кстати, о Филине! – Я вспомнил о пропавших деньгах. – У него после той вписки пропало двести тысяч евро. Ты не знаешь, кто мог взять?

Она смотрела мне в глаза.

– Нет, это была не я. Твой вопрос ведь именно в этом. Зауалировал хорошо. Я, по-твоему, похожа на тех, кто чужие хаты обносит? – Натка как-то очень внезапно разозлилась.

– Да не, ты что, – я попытался сгладить ситуацию и увести мысль в другую сторону, – я думал, возможно, ты можешь узнать... Ну, там, знаешь, с помощью своих способностей...

Это, похоже, рассердило ее еще больше. В голосе проступало явное раздражение:

– Слушай, вот об этом так вообще не говори. Никогда. Ясно? Я тебе не ищейка! Ни пропавшее бабло, ни пропавших людей найти не могу!

– Да ладно тебе. Извини, просто я подумал...

– Я, блин, доверилась тебе, рассказала! Потому что почувствовала, что ты не тот человек, который станет на этом внимание заострять. По крайней мере, не так, как другие. Ошиблась, видать!

Мне стало неловко. Виноватым в чем-либо я себя не счи-

тал. Сама ситуация была какой-то глупой – ссора возникла на пустом месте.

– Чего ты так взъелась-то? У тебя что, ПМС?

Тогда я еще не знал, что девушкам ни при каких обстоятельствах не стоит говорить подобное. Только если не хочешь поругаться еще сильнее. Натка швырнула в меня пакетик с остывшей картошкой фри, демонстративно отряхнула руки и, развернувшись на 180 градусов, ушла прочь.

Я смахнул с куртки несколько мелких крошек. Голуби и воробьи у меня под ногами спешно клевали внезапно возникшую пищу, вероятно, опасаясь, что исчезнет она так же быстро, как появилась. Я не пытался остановить Натку, всё равно общения бы уже не получилось. Я сделал для себя вывод, что тему ее особенного восприятия не стоит лишний раз педалировать – очень нервно она на это реагировала. Мы расстались, не попрощавшись, как и в прошлый раз. И хотя сейчас уже не было записки со словами «еще увидимся», я снова был практически в этом уверен.

5. Бизнес

Опубликовано: на этой неделе

Играет: Fall Out Boy «Fame < Infamy»

В университете я учился на стипендию. Обычную, не повышенную – не хватало усердия и старания в образовательном процессе. Составляла она тогда что-то порядка 1200–1500 рублей. Какие-то деньги (около восьми тысяч) передавали родители. Но, как и любому студенту, средств мне постоянно не хватало. Нет, в принципе в то время в Москве одному вполне неплохо можно было прожить на десять тысяч, с чем я успешно справлялся года полтора. Потом появилась более-менее постоянная девушка, а с ней тусовки, концерты, клубы, «Пушка»... Деньги стали стремительно таять, появилась нужда зарабатывать.

Я работал промоутером (иначе говоря, раздавал рекламные листовки около метро), консультантом по новым видеокамерам JVC, читал лекции школьникам о правильном бритье с помощью станков от Gillete, разгружал фуры на складе, собирал компьютеры. Словом, брался практически за любой временный заработок, не требующий больших усилий (кроме разгрузки фур, там я погорячился). Каждый месяц появлялась новая подработка. Устраиваться куда-то на постоянной основе, пусть и с относительно свободным графиком, на-

пример в тот же «Макдоналдс», где какое-то время работал Антон, не хотелось из-за угнетающего чувства обременения. То ли дело – постоял с флаерами четыре часа, забрал свои две тысячи и свободен.

Так продолжалось примерно с полгода. Пока Антон, устав продавать фастфуд, не рассказал мне о своей идее. Родилась она в тот момент, когда мой друг, купив билет на какой-то концерт, обратил внимание, что практически никаких средств защиты на нем нет. Приблизительно за пару месяцев Антон вывел технологию изготовления фальшивок и посвятил в нее меня. Теперь мы работали в паре, и нам предстояло отточить техпроцесс.

Мы покупали один настоящий билет (обычно в танцпол, без указания места, чтобы было удобнее и быстрее штамповать копии). Затем сканировали его на хорошем дорогом оборудовании в фотолаборатории, где работал один из наших общих знакомых, потом обрабатывали изображение на компьютере, подгоняя цвета и всё прочее. Тогда, в середине – конце 2000-х, для проверки билетов еще не использовались высокотехнологичные сканеры и считыватели штрих-кодов, а контролеры очень редко смотрели сквозь бумагу на свет, чтобы удостовериться в наличии водяных знаков и подлинности пропуска на мероприятие. Единственной загвоздкой могло стать определение фальшивки на ощупь. Бумага, на которой осуществляется печать в агентствах, – не простая. Она плотнее обычной офисной, и ее никогда не найти в

магазинах. Однако мы, методом проб и ошибок, справились и с этой преградой на нашем пути, причем скорее даже не из жажды наживы: нам просто было интересно – сможем ли? Выход был найден достаточно быстро: мы покупали матовую двустороннюю фотобумагу плотностью чуть выше обыкновенной, замачивали ее в воде на несколько секунд, проглаживали утюгом – для того чтобы устранить «волнистость», и, когда листы высыхали, просто печатали на них изображения с двух сторон. Подделки, изготавливаемые нами, были практически не отличимы от оригинала. Если бы не водяные знаки.

К концу зимы 2007-го мы «обработали» около шести концертов, и в те пару раз, когда обман раскрывался, дело было именно в пресловутом просмотре «на свет». Людей, у которых обнаруживали самопал, обычно спрашивали, откуда они взяли билеты. Те, изображая максимальное изумление, отвечали заученной с нашей подачи фразой: «Как? Это фальшивка?! Да быть не может! Вот только что около клуба купили у какого-то мужика, не знаю, кто такой... Вот, сука, левак впарил!» Такая эмоциональность убеждала персонал клуба в абсолютной невинности задержанных, и их просто отпускали, предупреждая впредь покупать не у посторонних лиц, а только в агентствах или кассе клуба. Изредка просили заплатить штраф, равный цене билета. У нас же была предусмотрена «страховка» от непопадания на концерт: если человека не пускали, мы возвращали ему деньги. Так или ина-

че, наш доход в разы превышал производственные и прочие расходы. Покупателей было много, так как фальшивки мы продавали по цене вдвое меньшей, чем у оригиналов.

Не остались без внимания с нашей стороны и меры предосторожности – всё-таки подделка документов всегда была и остается уголовно наказуемым преступлением. Количество изготавливаемых нами билетов обычно не превышало 50–60 штук, что при средней посещаемости клубного концерта иностранной знаменитости в 3–4 тысячи человек было вполне разумно, и риск обнаружения не столь велик. В качестве дополнительной страховки мы существенно ограничили круг лиц, которым передавали фальшивки лично. Это были 5–6 человек, которым мы доверяли на сто процентов, наши друзья и хорошие знакомые, а они, в свою очередь, выступали в роли посредников, распространяя несколько штук по своим самым надежным людям. Таким образом, всего несколько человек знали о том, чем мы занимались.

Бывали случаи, когда нам не удавалось реализовать всю партию и оставалось несколько штук. Тогда я брал на себя функции, если можно так сказать, «спекулянта» и продавал по двойной цене прямо на месте – спрос высок, да и люди, покупающие билет прямо перед выступлением, обычно не отличаются разборчивостью.

Забегая вперед, стоит сказать, что этот бизнес, как и любая незаконная деятельность, позже потерпел крах, а мы только чудом избежали наказания. До этого, однако, остава-

лось еще полгода, 4 или 5 концертов и как минимум одно очень необычное знакомство.

6. Международные отношения

Опубликовано: март 2007-го

Отредактировано: на этой неделе

Играет: Muse «Ехо-Politics»

Зима 2007-го в Москве затянулась надолго. Тогда, в начале марта, никто не знал, что прихода тепла придется ждать еще около пяти недель, и потому крепчавший мороз вызывал раздражение, смешанное с недоумением.

Я уже около часа стоял на улице неподалеку от входа в клуб. Темнело, шел снег. От дверей метров на двести тянулась очередь. Контингент был весьма разношерстным: присутствовали и субкультурщики, многие из которых были мне зрительно знакомы по «Пушке», и гламурные блондинки со своими пафосными бойфрендами, и даже вполне взрослые зрелые люди «за сорок». Такая пестрая публика не была чем-то шокирующим – всё-таки выступавшая вечером группа (это были Nine Inch Nails) – одна из самых популярных в мире и давно уже переросла период «широкой известности в узких кругах».

Мне уже давно можно было спокойно отправляться домой – я пришел не на концерт, – но хотелось подзаработать еще немного денег, продав парочку-другую наших самопальных билетов.

Решив наконец плюнуть на всё – было слишком холодно, – и пойти по направлению к метро, я вдруг заметил одиноко стоящую девушку, в нерешительности не подходившую к кассам, но в любой момент готовую это сделать. «Надо брать ситуацию в свои руки», – мысли, в тот момент сами собой возникшие при беглом взгляде на нее. Ничем особо не примечательная, она как-то выделялась из этой толпы. Хотя одета была как добрая половина присутствующих – длинная куртка-парка, узкие джинсы, зимние кеды Converse и забавная яркая шапочка. На вид лет двадцать пять. Недолго думая, я осторожно подошел к ней и спросил:

– Девушка, билетик не нужен?

Она вопросительно посмотрела на меня и сказала вполголоса:

– Oh, a ticket?..¹

А потом добавила, уже громче:

– Да, пожалуйста.

Иностранка. Слишком мягко выговаривала слова, хотя почти без акцента. Скорее всего, американка. Что она делала сегодня вечером здесь, в снежной Москве, на концерте группы, которая там у них наверняка выступает очень часто?

Я отдал девушке билет и показал, где кончалась очередь. Уже развернувшись в сторону метро, я услышал, как меня окликнул знакомый голос. Это был Грин, парень с зелеными дредами:

¹ Оу, билет?.. (англ.).

– Эй, здорово! Чё здесь делаешь? Ты ж не любишь этих ребят?

– Привет. Да не то чтобы не люблю... я никогда этого прямо не говорил.

– Зато писал мне как-то в аську. Я тебе скинул последний сингл, ну а ты такой – «не люблю!» – твоя цитата.

– Хм, может, и было такое, не помню, честно. В любом случае, не на выступление пришел. – Я не был настроен на долгую болтовню и отвечал сухо.

– А типа нереализованные остались?

– Да, вот, еще немного сбить деньжат захотелось.

– Понятно. И как успехи? – Грин, похоже, не замечал моего не слишком большого желания общаться.

– Десяток продал. Уходить уже собирался, когда ты меня позвал.

– Ясненько. Слушай, говорят, вас с Тохой от бритых твоя подруга спасла? – По всей видимости, Антон многим рассказал эту историю.

– Чё значит «спасла»? Какая «моя подруга»? Я ее не знаю почти и видел два раза. Ладно, чувак, пора мне.

– Хорошо, не буду задерживать. Удачи! Кстати, вон, по моему, с твоими леваками кого-то взяли, так что валить тебе надо. Счастливо, увидимся!

Действительно, около входа началось какое-то активное движение. Я стал тщательнее присматриваться и заметил знакомую яркую шапочку. Обычно в таких случаях я всегда

незамедлительно скрывался из виду, но в этот раз меня что-то держало. Какое-то непонятное чувство – то ли вины, то ли ответственности за сложившуюся ситуацию. Через несколько мгновений меня уже грызла совесть – дело, несомненно, было в том, что она туристка. Я представил себя на ее месте, в чужой стране, будучи пойманным с фальшивкой. Так или иначе, я развернулся и твердым шагом направился ко входу, встретив по пути непонимающий взгляд Грина.

– Извините, а в чем дело? – Я, как ни в чем не бывало, подошел к секьюрити, крепко державшему за локоть мою недавнюю собеседницу.

– Тебе чё надо? Иди, в очередь вставай! Куда лезешь? Пошел!

На ее лице я заметил полное непонимание ситуации.

– А что вы в девушку вцепились, ей же больно, нет?

– Не твое дело! Щас разбираться будем, откуда девчонка подделку взяла! – Охранник одной рукой продолжал держать туристку, а другой отпихнул меня.

– А, так это про билет! Ну, в общем, девушка ни в чем не виновата. Это я его продал.

В этот момент американка крайне удивленно посмотрела на меня. Не менее удивлен был и секьюрити. Подумав пару секунд, он небрежно толкнул девушку в сторону, крикнув:

– Ребят, эту больше не пускайте! – и вцепился уже мне в руку, «приглашая» проследовать внутрь.

Когда мы проходили мимо рамок металлоискателей, мой

взгляд вдруг на мгновение зацепился за какую-то деталь. Я точно не понял, что именно уловил периферическим зрением. Как мне показалось, краем глаза я заметил что-то, виденное мной ранее. Или кого-то. Натка?

– Не тормози. – Охранник не дал мне слишком долго всматриваться в толпу, энергично толкнув в спину.

Меня завели в небольшую комнатку со стоящим посередине столом – единственной, как мне на первый взгляд показалось, деталью мебели, присутствовавшей в помещении. Мне сразу вспомнились голливудские блокбастеры и сцены в полицейском участке – ситуация была очень похожа, не хватало только зеркала, с другой стороны которого за тобой наблюдают несколько человек. Привыкнув глазами к темноте, я различил еще пару столов с мониторами по углам. За ними сидели самые типичные сотрудники клубной охраны, крупные и в строгих костюмах. Сразу за мной пришел еще один амбал и принес два стула – на один сел сам, на другой показал жестом, предлагая его мне.

– Ну что, давай рассказывай, – начал он точь-в-точь как в кино и закурил сигарету.

– Что именно? – Я изображал человека, который не знает, как он здесь оказался.

– Дурочку не включай. Где билеты взял, кто изготавливает и всё прочее.

– Да не знаю, купил около клуба два билета, подруга не пришла, один решил продать. Вот второй, пожалуйста! На-

верное, тоже левак! Вот, урод, мужик, это ж надо так народ кидать прямо перед концертом!

– Не п***и! – резко бросил амбал, рассчитывая наверняка вывести меня из психологического равновесия. – Очень неубедительно врешь.

Мне от этой сцены стало еще смешнее из-за еще большей схожести с так хорошо знакомыми кинематографическими эпизодами.

– Чё ты лыбишься? У меня складывается ощущение, что ты просто му*ак! Неудивительно, что подруга не пошла с тобой. Хорошо, не хочешь говорить – твои проблемы. Петь, звони ментам! Щас приедут, протокольчик составим, все дела...

– Ладно, подожди-подожди, Леш, – в разговор вступил другой верзила, до этого сидевший в темном углу за столом с монитором – должно быть, «хороший коп». Всё по канонам жанра.

– Парень вроде не дурак, понимает, что привод в ментуру на пользу не пойдет... так, может, договоримся? Я вот, например, верю ему. Но чтобы окончательно развеять все сомнения, мне нужно несколько бумажных аргументов. С циферками такие бумажки, понимаешь, парниш?

– Ага. – Я с самого начала разговора был готов, что всё придет к этому, потому особо и не волновался.

– Вот и славно. Думаю, штрафа в размере тройной цены билета хватит.

– Тройной цены? Чего так много-то?

– Не, я ж не настаиваю, дело твое, хочешь – плати, не хочешь – не плати. Выбор есть всегда.

Еще одна киношная фраза. Прикинув, что, если отдам им запрашиваемую сумму, у меня всё равно останется вчетверо больше, я решил не торговаться.

– Хорошо, вот деньги. – Я достал нужную сумму, отсчитав от общей стопки купюр прямо в кармане.

Амбал – то ли шутки ради, то ли на полном серьезе – просмотрел каждую банкноту на свет. После этого довольно ухмыльнулся и буркнул: «Ну, хоть тут настоящие».

– Эх, молодежь. – Он сразу стал таким добрым дяденькой. – Всё вы халявы ищете. Делом бы занялись, работать пошли! Студенты, блин! Я, вон, или без вышки вообще. И в люди выбился. Армия для меня школой жизни стала. Человеком сделала! Да что я тебе рассказываю, всё равно всё мимо ушей... Ладно, иди давай отсюда.

Когда я уже закрывал за собой дверь, секьюрити добавил:

– Да, и это, парниш, на концерт седня даже не пытайся пройти, всё равно не пустим.

– Угу.

Оказавшись на свежем морозном воздухе после темной прокуренной комнаты, я ощутил себя космонавтом, выходящим с космической станции в открытый космос. Минут пять я просто стоял и смотрел в небо. Не на звезды – их закрывала плотная пелена облаков – просто куда-то вверх рассеянным

взглядом.

– Hey there².

Туристка находилась около входа, метрах в пяти от меня. Я ответил на английском:

– Hey, still here? Why?³

Она, похоже, очень обрадовалась родной речи и сразу расплылась в широкой улыбке:

– Yep. Waiting for you. I'm Vicky. Would you mind speaking this way? My Russian is much much worse than your English, as I hear⁴.

Я представился и сказал, что не возражаю. Мы продолжили общаться на английском.

– Прости, что сорвал тебе вечер, Вики.

Сейчас я мог детальнее рассмотреть ее лицо. Совершенно обычное лицо. Без каких-либо выделяющихся деталей. Кроме одной – очень светлые, почти белые, голубые глаза. Во всем остальном – абсолютно обыкновенная красивая девушка.

– Оу, да я и не очень хотела сюда. Просто нечем было заняться сегодня вечером. Может быть, пройдем куда-нибудь, поговорим за чашкой чая?

– Я не против.

² Эй (англ.).

³ Эй, ты всё еще здесь? Почему? (англ.).

⁴ Ага. Тебя ждала. Я – Вики. Ты не против говорить вот так? Мой русский намного хуже, чем твой английский, насколько я слышу (англ.).

Мы не спеша двинулись по улице и почти всю недолгую дорогу до ближайшей кофейни молчали.

Зайдя в «Шоколадницу», я направился к одному из столиков в углу, американка последовала за мной.

– Здравствуйте, что будете заказывать? – Мы не заметили, как подошла официантка.

– Мне двойной эспresso, пожалуйста.

– А спутнице?

– Будьте добры, чай со сливками.

Девушка быстро записала наш заказ в свой блокнотик и отправилась к барной стойке. Я нарушил неловкую паузу:

– А говорила, что твой русский ужасен. Вполне неплохо, акцент малозаметен. Ты американка?

Она застенчиво улыбнулась, но продолжила на английском:

– Почему первое предположение у очень многих людей, с которыми я общаюсь в России, именно американка?

– То есть нет?

– Нет. Вторая попытка? Хотя и с пятой мало кто угадывает.

– Англичанка?

Вики покачала головой и улыбнулась уголками губ. Внешностью она напоминала мне Николь Кидман.

– Это можно считать практически правильным вариантом.

– Практически?

– Да, я гражданка United Kingdom⁵. Просто почти у всех UK и Великобритании ассоциируется исключительно с Англией. Да, я живу в Англии, точнее в Бирмингеме, потому что Англия, кстати, у очень многих ассоциируется только с Лондоном, иногда с Ливерпулем и Манчестером, реже с другими крупными городами – Лидсом, Бирмингемом...

– Но ты не англичанка?

– Верно, я шотландка.

Нам принесли заказ. Я сделал большой глоток крепкого ароматного напитка и мгновенно согрелся.

– А здесь что делаешь? Туристическая поездка?

Она покачала головой:

– Папа здесь работает. – Вики сделала паузу. – И я, время от времени. Вообще, люблю я Москву. Мне кажется, это такой... космополитичный город... всего здесь понамешано... так интересно.

– А Лондон? Это же, наверное, самый космополитичный город в мире.

– Во-первых, я считаю, что таковым является Нью-Йорк, он мне тоже очень нравится, но не так, как Москва. Возможно, потому, что там я была всего один раз... а во-вторых, ну его, этот Лондон! Этот город я люблю гораздо меньше других европейских столиц. Какой-то он серый, холодный... деловой слишком.

Вики пила чай с молоком и задумчиво смотрела в окно.

⁵ Соединенное Королевство (англ.).

– Хотя, конечно, здесь этого тоже хватает, но... не знаю. Москву я люблю.

Кофейня была заполнена примерно наполовину. Из колонок под потолком играл какой-то джаз. С соседнего столика доносился приятный запах кофе с ликером Irish cream.

– И что за работа у тебя здесь?

Она поставила чашку, расправила плечи и не без заметной гордости сказала:

– Я – журналистка The Guardian. Пишу о политике, о России, ну и еще на разные темы.

Такого ответа я точно не ожидал, так как совсем по-другому представлял себе политических обозревателей. По крайней мере, теперь было понятно, откуда такая словоохотливость. Вики прочитала мою реакцию и улыбнулась:

– Да ладно тебе, не удивляйся. Так бывает.

Кажется, я немного смутил ее. Моя новая знакомая на несколько секунд замолчала. Я словно в замедленной съемке наблюдал, как она, смотря в окно, подносит кружку к губам, делает глоток и ставит ее обратно.

– Слушай, а откуда у тебя эти билеты? – вдруг вспомнила она начало сегодняшнего вечера.

Я в общих чертах рассказал о том, что этим занимаются «одни мои знакомые», о том, как появилась идея, затем о технологии изготовления и распространения. Всё в третьем лице.

– Ну как, ты считаешь, они поступают неправильно?

– Твои друзья рискуют быть пойманными и понести наказание, это единственная причина, по которой стоит задуматься, надо ли продолжать.

Вот сегодня, к примеру. Это был знак к тому, чтобы поразмыслить над этим.

– А с моральной точки зрения? Обман и всё такое?

– С этой стороны... Я, наверное, понимаю логику. Концертные агентства заламывают неадекватные цены на билеты в России. Я была на нескольких выступлениях в разных городах Европы и платила намного меньше той цифры, которую увидела сегодня около касс. Многим желающим попасть на такие мероприятия стоимость явно не по карману. А так у людей появляется возможность посетить концерт любимого исполнителя за гораздо меньшую цену. Убытков не несет никто, просто еще несколько человек будут там присутствовать, вот и всё. Конечно, это звучит как оправдание для собственных незаконных действий, но тем не менее трудно найти в таком объяснении что-то нелогичное.

– Ну да.

Моя собеседница, если говорить объективно, очень сильно облагородила наши мотивы. В первую очередь мы думали именно о деньгах.

Я поднял взгляд на висевшие на стене часы и начал вспоминать, нужно ли мне завтра идти в университет, и если нужно, то к какой паре. Я не заметил, как ушел от этих мыслей, загипнотизированный секундной стрелкой. Цифра за циф-

рой, круг за кругом. Бесконечная цикличность. Пока не кончится время. Или не сядет батарейка.

– Еще что-нибудь? – вежливо поинтересовалась официантка, убирая наши кружки.

– Мне, пожалуй, «эрл грей». Вики, что будешь?

– Чай с молоком еще раз, пожалуйста.

Девушка опять за пару секунд записала заказ и ушла.

– So⁶, расскажи теперь ты о себе. – Она посмотрела мне прямо в глаза.

Что-то в ее взгляде очень подкупало. Может быть, это специальный журналистский навык – смотреть так, чтобы вызывать у собеседника чувство доверия. А может, ей действительно было искренне интересно. Так или иначе, я вкратце изложил свою историю. Вики внимательно вслушивалась в мой рассказ, периодически чуть заметно кивая.

Ровно в тот момент, когда я закончил, в кармане ощутилась вибрация мобильного телефона, оповещавшая об эсэм-эс. Отправитель оказался скрытым. Я прочел сообщение. В нем была всего одна строчка: «Попадешь в таблоиды» – и номер ICQ в качестве подписи. Я ни секунды не сомневался, от кого пришло это странное послание. Видимо, периферическое зрение при входе в клуб не обмануло. Я убрал мобильный в карман.

– Да, интересно, – резюмировала журналистка.

Пару минут мы посидели в тишине. Потом она сказала:

⁶ Итак (англ.).

– Всё-таки странно, что ты пришел мне на помощь сегодня. Почему?

– Не знаю, просто показалось, что так нужно, – ответил я и сразу поинтересовался: – А почему тебя это удивляет?

– Понимаешь, в околополитических кругах Британии всё время говорят, что Россия – наш самый главный исторический враг. Знаю, что и здесь думают так же относительно УК. Конечно, есть факты, подтверждающие это, но есть и совершенно дурацкие домыслы относительно русского менталитета...

– Это какие, например?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.